УДК 316.75:14

ИДЕОЛОГИЯ КАК КОНЦЕПТ

В.Л. Хмылев

Томский политехнический университет
E-mail: vlh@tpu.ru

Кратко обозначена ситуация, сложившаяся в науке и философии относительно роли идеологии в современном обществе. Цель статьи – показать, что, несмотря на распространенное мнение о «конце идеологии», ее вытеснении политическим «пиаром» и рекламой, данное явление способно функционировать в современном обществе в своем классическом виде – в форме гуманитарного знания.

Актуальность философской рефлексии над феноменом идеологии определяется комплексом социально-политических и эпистемологических оснований.

К категории первых принадлежит продекларированная российским государством программа институализации общенациональной идеологии. Появление такой программы на рубеже XX–XXI вв. стало выражением возросшей роли государства в обществе, обозначило существующий баланс границы частного и общественного и дало основание для прогнозов относительно возможных изменений в характере отношений между «базисом» российского общества и его «надстройкой». К эпистемологическим факторам актуализации идеологии относится резонанс, который данная ситуация вызвала в той части отечественной гуманитаристики, теоретические интересы которой лежали в области изучения социально-философских и политологических проблем. Как ожидается, конструируемая идеология должна сочетаться с традициями общества, способствовать его модернизации, выступать действенным средством предупреждения экстремизма во всех его проявлениях, поддерживать политический статус-кво и, таким образом, обеспечивать существование российской государственности, как таковой, в условиях открытого и взаимозависимого мира.

Однако, несмотря на продолжительные по времени усилия специалистов-гуманитариев, искомая цель до сих пор не достигнута. Усомниться в сказанном можно, пожалуй, лишь в том случае, если в качестве примера общенациональной идеи назвать объявленную в 2000 г. Президентом России программу удвоения валового внутреннего продукта к 2010 г.

Призванная сфокусировать общество на ускорение экономической динамики, такая программа с самого начала вызвала скептические настроения у значительной части ученых и политиков, в первую очередь, своей аналогией с иллюзорными проектами советской эпохи – объявленной Н.С. Хрущевым программой построения коммунизма к 1980 г. или обещанием М.С. Горбачева предоставить каждой советской семье отдельную квартиру к 2000 г. Не будет большим преувеличением сказать, что в настоящее время общенациональной идеологии в России не существует.

Между тем, указанная проблема все активнее обсуждается в политологии и философии – с каждым годом объем публикаций увеличивается. Не претендуя на их обзор, отметим одну, с нашей точки зрения, характерную тенденцию последних лет. Речь идет о распространении взглядов, универсальной характеристикой которых выступает скепсис не только относительно будущего общенациональной идеологии в России, но и самой возможности существования идеологии как таковой в современном, фрагментированном обществе.

Интересно, что истоки этих взглядов восходят еще к 1950 – началу 1960-х гг. Считается, что первым об этом заговорил А. Камю, а в 1962 г. Р. Арон опубликовал книгу «Опиум интеллектуалов» [1], в которой и была сформулирована популярная в современной науке идея о «конце идеологии».

В настоящее время означенные умонастроения переплелись с рассуждениями о вытеснении идеологии политическим «пиаром» и рекламой. Работающие на создание мифических образов, «имиджей» действующих политиков, «пиар» и реклама ориентированы не на долгосрочную перспективу, а на короткий период проведения предвыборных кампаний [2]. Показательно, что взгляды иного рода зачастую попадают в разряд теоретических заблуждений, причины которых коренятся в неадекватном восприятии сложившихся к настоящему времени реалий постиндустриального общества, интегративной характеристикой которого все чаще выступает растущая атомизация и индивидуализация человеческого бытия.

В этой связи интересно посмотреть, насколько обоснована данная точка зрения и существуют ли такие сферы общественной жизни, в которых идеология способна на полноценное существование и реализацию конструктивных функций.

Этимологически понятие идеологии родственно древнегреческому слову «наука о мысли». Предполагаемая связь с античной традицией, однако, не уберегла его от забвения или произвольного толкования – теоретические метаморфозы идеологии длились не одно столетие, на протяжении которых понятие идеологии неоднократно меняло свое содержание.

В новоевропейской традиции сложилось несколько его интерпретаций. Одна из них связана с именем К. Манхейма и его книгой «Идеология и утопия» [3]. Как известно, К. Манхейм полагал, что каждый класс имеет собственную познавательную перспективу, детерминированную его положе-

нием в обществе, национальностью и профессиональным опытом. Важнейшим свойством такой перспективы выступает фиксация частичной реальности, не тождественной объективной истине. Принципиальным условием получения истинного знания у К. Манхейма выступала классовая непринадлежность исследовательской группы. К таковой К. Манхейм относил интеллигенцию.

Другой подход к осмыслению идеологии сформулирован К. Марксом и Ф. Энгельсом в книге «Немецкая идеология» [4]. Согласно воззрениям классиков теоретического коммунизма, идеология – это политическое мышление, формируемое в интересах определенных групп общества. Идеология для К. Маркса и Ф. Энгельса – это «ложное сознание», иллюзорное восприятие социального бытия. Помещая в основание идеологии негативный смысл, К. Маркс и Ф. Энгельс противопоставляли ей научное знание, целью которого должна быть борьба против идеологии.

В 1920–1930-х гг. отношение к идеологии еще более радикально трансформировалось – теперь данным понятием охватили сложившиеся в тот период тоталитарные практики индоктринации и мобилизации, и «идеологии прочно оказались за границей приемлемого в политике» [5. P. 8]. Следует отметить, что в течение всего XX века к идеологии относились, как к обману и способу политической манипуляции массовым сознанием.

Между тем, в своем первоначальном, античном значении понятие идеологии впервые в новоевропейской традиции предстало в трудах французского просветителя, философа, экономиста, участника Великой французской буржуазной революции Антуана Дестюта де Траси. Его программным произведением принято считать книгу «Элементы идеологии» (Eléments d'idéologie) [6]. Известно, что работа над ней в общей сложности заняла у него пятнадцать лет (1801–1815), охватив, таким образом, период самой революции, а также эпохи «наполеоновских» войн. Понятно, что события, современником которых довелось стать А. Дестюту де Траси, оказали определенное влияние на концептуальное построение, выбор теоретической парадигмы, выводы, язык и манеру изложения контекста. Следует признать и то, что его работа, первая в своем роде, в значительной степени шла методом проб и ошибок, оказывала некоторое влияние на процессы общественно-политической жизни, подвергалась верификации многочисленными институтами политической системы тогдашней Франции.

Важно при этом, что социально-политические условия не изменили принципиальной приверженности А. Дестюта де Траси античному дискурсу идеологии, встраивавшему последнюю в контекст эпистемологии как форму теоретического знания о природе человеческих идей. Введение нами категории дискурса представляется целесообразным для более глубокого анализа теоретического наследия А. Дестюта де Траси. Кроме того, это позволяет обновить язык описания и исследовать новые грани проблемы идеологии. Каково же содержание термина дискурс?

В этимологическом плане это понятие восходит к латинскому слову «*discursus*», буквально означающее «разбегание, бег в различных направлениях». Уже на заре своего существования дискурс приобрел несколько толкований, в дальнейшем его смысловое содержание еще более дифференцировалось. Например, в позднеантичной латыни встречалось такое значение дискурса, как разговор или беседа. В Средние века его значение вновь изменилось – теперь это объяснение, довод, аргумент и, наконец, логически стройное рассуждение. В Новое время в европейских странах этим словом стали именовать ученые рассуждения.

В современной научной литературе данное понятие употребляется весьма многозначно. Это объясняется тем, что конкретное значение дискурса определяется в контексте существующих подходов к изучению языка и языковой деятельности, а также неодинаковым значением этого слова в различных языках. Из всего многообразия определений дискурса мы, в контексте нашей темы, выделили точку зрения известного французского исследователя П. Серио. «Термин «дискурс», – пишет П. Серио, – часто употребляется для обозначения системы ограничений, которые накладываются на неограниченное число высказываний в силу определенной социальной или идеологической позиции. Так, когда речь идет о «феминистском дискурсе» или об «административном дискурсе», рассматривается не отдельный частный корпус, а определенный тип высказывания, который предполагается вообще присущим феминисткам или администрации» [7. С. 27]. Таким образом, понятие дискурс акцентирует предзаданность текста, фиксирует его специфическую позицию в общесмысловом пространстве.

Взяв в качестве исходного тезис о том, что знания происходят из ощущений, А. Дестют де Траси утверждал, что «идеология» – это учение об идеях. Необходимость изучения последних была для него очевидна, ибо таковая вытекала из самой природы исторической эпохи, суть которой выражалась в разрушении остатков феодализма в Европе и утверждении принципов свободной конкуренции. Разрабатывая собственный идеологический дискурс, мыслитель отнюдь не без оснований рассчитывал на понимание со стороны лидеров «третьего сословия». Ведь победившей буржуазии, с ее утилитарным отношением к личности, сформулированный А. Дестютом де Траси подход к изучению человека как главного элемента капиталистического производства мог послужить эффективным средством ее обогащения. Действительно, знание механизмов человеческого мышления, умение диагностировать и использовать полезные качества человека и ныне являются неотъемлемым условиями выживания в конкурентной среде.

Но в начале XIX века интересы французской буржуазии лежали в несколько иной плоскости. Ее ближайшей целью являлось получение инструментов для завоевания и удержания власти. «Само возникновение идеологии, – справедливо отмечал А.И. Соловьев, – относится к тому историческому периоду, когда третье сословие в Европе «пошло» в политику и попыталось использовать государственную власть для достижения своих интересов» [2. С. 16]. Очевидно, что именно политический интерес в то время определял отношение буржуазии к идеологии, а идеологический дискурс А. Дестюта де Траси вряд ли прямо соответствовал духу исторического момента. Об этом свидетельствует негативное отношение Наполеона Бонапарта как к самому А. Дестюту де Траси, так и к его единомышленникам.

Мыслитель полагал, что изучение идей поможет решить глобальные задачи, а, следовательно, не может быть сведено к обслуживанию интересов конкретной политической группировки. Это изучение важно потому, что оно позволит установить твёрдые основы для экономики, политики, этики и воспитания. Таковыми должны быть принципы, опирающиеся на категории свободы, морали, справедливости и социального партнерства. По замечанию М.Э. Брандес, А. Дестют де Траси полагал, что «идеология как наука об идеях сможет исследовать природу человеческого мышления и сказать, что есть правда, а что ложь, обеспечить адекватное восприятие действительности и выявить реальные нужды людей, разрешив, таким образом, все проблемы общества» [8. С. 45].

Сами же идеи, согласно А. Дестюту де Траси, тесно связаны с врожденными способностями человека – фактическими основаниями идей. Мыслитель вычленил четыре такие способности: 1) чувства (они дают человеку познание внешнего опыта через ощущения); 2) память (она фиксирует возможность воспроизведения прошлого опыта); 3) суждения (высказывания) и 4) волю (она открывает человеку существование Другого и проявляется в сопротивлении, которое воздействует на человека в процессе его взаимодействия с материей.

Понятно, что отнесение человеческих способностей к врожденным основаниям психики означало их коррелят с понятием таланта. Однако одно не может быть сведено к другому – ведь и животное обладает, например, чувствами и волей, но оно лишено таланта. Имея отношение исключительно к человеческой природе, талант встраивается в систему способностей человека, но не выходит за их пределы. Являясь прямым продолжением способностей, он не может выступать их основанием. При этом развитие способностей может стать основой для возникновения таланта. У А. Дестюта де Траси способности выступают в виде системы взаимосвязанных элементов. Являясь имманентно присущими человеку, они представлены в нем в неодинаковой степени. Кроме того, отвечая за разные функции, они имеют общее предназначение – обеспечение способности человека исследовать окружающую его материальную реальность и преобразовывать ее в соответствии со своими интересами. Баланс элементов обеспечивает все многообразие индивидуальных черт личности, задает вектор интеграции человека в общество, определяет его место в социальной иерархии. В гносеологическом аспекте иерархия способностей – это своеобразная система координат, помогающая ориентироваться в предметно-объектном пространстве и многообразии исследовательских практик.

Следует отметить, что в практическом плане идеи А. Дестюта де Траси воплотились в образовательных практиках. Организованное им специальное учебное учреждение было нацелено на выявление талантов уже в детском возрасте и способствовало ориентации детей в соответствии с их способностями по будущим профессиям. Одним уготавливалась карьера в науке, другим – в политике, третьим – в ремесленных мастерских.

В современной науке и философии сложилось представление о том, что А. Дестют де Траси предложил оригинальный подход к изучению человека в контексте его отношений с экзистенциальной реальностью. Объектом такого подхода становился собственно человек, предметом – человеческое сознание, материализованное в языке и поведении. «Тогда, – отмечал французский исследователь О. Ребуль – «идеология» была практически синонимом научного анализа способности мыслить и противопоставлялась в этом смысле «метафизике» и «психологии». При своем происхождении, таким образом, идеология означала позитивное знание, т.е. примерно полную противоположность тому, что это понятие означает сегодня» [9. С. 21].

Следует отметить, что дискурс идеологии А. Дестюта де Траси был во многом созвучен тенденциям развития самой гуманитарной науки. Ведь именно в XIX в. в ней происходят принципиальные изменения, позволяющие говорить о ее сближении с идеологией. Если в Средние века европейская гуманитаристика была подчинена интересам католической церкви, то в XIX в. ситуация коренным образом изменилась – промышленная революция вызвала к жизни потребность изучения полезных качеств человека, с целью их практического использования в системе индустриального производства. Принципиально новыми стали не только цели, но и методы исследования – в качестве таковых все чаще становились подходы, заимствованные из физики и математики. В этой связи российский философ В.С. Степин отмечал, что гуманитарные науки конституировались «в XIX столетии, когда в культуре техногенной цивилизации отчетливо оформилось отношение к различным человеческим качествам и социальным феноменам как объектам управления и преобразования» [10. С. 38].

Следует отметить, что в настоящее время значение идеологии как когнитивной системы возрастает – это выражается в существенном увеличении

числа прикладных исследований, связанных с изучением общественного мнения, выяснением позиций различных групп населения и прогнозированием их поведения в социально-политической жизни. «Идеологии, – отмечал голландский исследователь Т.А. Ван Дейк, – являются базисными системами социального познания, общими для членов конкретных социальных групп, создаваемых в результате релевантной селекции социокультурных ценностей и организованных с помощью идеологической схемы, которая представляет собой форму самоидентификации конкретной социальной группы. Кроме социальной функции поддержания интересов социальных групп, идеологии выполняют когнитивную функцию организации социальных репрезентаций (установки, знания) данной социальной группы, и, следовательно, косвенно контролируют относящиеся к этой группе социальные практики, а значит и речевую деятельность входящих в нее индивидов» [11. P. 248]. Таким образом, идеология в современном обществе может быть осознана как своеобразный концепт, отражающий структуру и многообразие социального бытия и помогающий диагностировать и прогнозировать процессы социальной динамики. Представляется, что именно в таком виде идеология несет в себе конструктивный потенциал и обладает социальной перспективой.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Aron R. The Opium of the Intellectuals. – N.Y., 1962. – 287 p.
2. Современные тенденции развития символического пространства и политики и концепт идеологии (материалы дискуссии) // ПОЛИС. – 2004. – № 4. – С. 4–19.
3. Манхейм К. Идеология и утопия // Манхейм К. Диагноз нашего времени / Пер. М.И. Левиной и др.; Ред.-сост. Я.М. Бергер и др. – М., 1994. – С. 7–260.
4. Маркс К., Энгельс Ф. Избранные сочинения в 9 т. – Т. 2. – М.: Политиздат, 1985. – 509 с.
5. Freeden M. Editorial: Political ideology at century's end // J. of Polit. Ideologies. – Oxford. – 2000. – V. 5. – № 1. – P. 5–15.
6. Destutt de Tracy A.-L.-Cl. Eléments d'idéologie: idéologie proprement dite. – P. I. Idéologie. – Paris: Courcier, 1995. – 416 p.
7. Квадратура смысла: Французская школа анализа дискурса / Пер. с фр. и порт. / Общ. ред. и вступит. статья П. Серио, предисл. Ю.С. Степанова. – М.: ОАО «Прогресс», 1999. – 367 с.
8. Брандес М.Э. Идеология и миф: общие черты // Политическая наука. Политическая идеология в современном мире. – 2003. – № 4. – С. 39–47.
9. Ребуль О. Язык и идеология. – М.: ИНИОН, 1997. – 279 с.
10. Степин В.С. Генезис социально-гуманитарных наук (философско-методологические аспекты) // Вопросы философии. – 2004. – № 3. – С. 36–42.
11. Dijk T.A. van. Discourse, semantics and ideology // Discourse and society. – L. etc., 1995. – V. 6. – № 2. – P. 242–257.

УДК 930.1:09